

Кажарова И. А. Авторская модальность дидактического текста и читательское восприятие (на материале «Адаба» А. Г. Дымова) / И. А. Кажарова, З. А. Кучукова, Л. Б. Берберова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 215—229. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215-229.

Kazharova, I. A., Kuchukova, Z. A., Berberova, L. B. (2020). Author's Modality of Didactic Text and Reader's Perception (by Example of A. G. Dymov's "Adab"). *Nauchnyi dialog*, 8: 215-229. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215-229. (In Russ.).



УДК 82-342+ 821.352.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215-229

## АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «АДАБА» А. Г. ДЫМОВА)

© Кажарова Инна Анатольевна (2020), [orcid.org/0000-0002-7431-0840](https://orcid.org/0000-0002-7431-0840), SPIN-код 8466-0022, Researcher ID K-2461-2018, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы, Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), [barsello@rambler.ru](mailto:barsello@rambler.ru).

© Кучукова Зухра Ахметовна (2020), [orcid.org/0000-0001-7907-0404](https://orcid.org/0000-0001-7907-0404), доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (Нальчик, Россия), [kuchuk60@list.ru](mailto:kuchuk60@list.ru).

© Берберова Лиана Бурхановна (2020), [orcid.org/0000-0002-3729-0238](https://orcid.org/0000-0002-3729-0238), кандидат педагогических наук, старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Москва, Россия), [berberova.liana@yandex](mailto:berberova.liana@yandex).

Рассматриваются аспекты проявления авторской модальности и связанные с этим особенности восприятия дидактического текста. Кратко характеризуется отражение дидактического дискурса в литературоведческой рецепции, аргументируется значимость выявления авторской модальности в нравоучительных текстах, представленных в образовательной литературе. На конкретном материале исследуются формы выражения авторского сознания и специфика восприятия дидактического текста. Показана определяющая роль фоновых знаний в ситуации, когда читатель и автор дидактического сочинения принадлежат к разным эпохам. Формы выражения модальности в представленном материале определяются выбором жанра и особенностями взаимодействия авторского сознания с законами этого жанра, точками зрения, доминирующими в тексте, и закономерностями их взаимодействия, выбором героя и персонажей, степенью категоричности авторского «я». Примеры приводятся из дидактических сочинений А. Г. Дымова («Адаб»),

творчество которого до настоящего времени не рассматривалось с позиции смысловой выразительности задействованного в нем субъекта авторского плана. Несмотря на то, что мера субъективности в дидактическом тексте, предназначенном для образовательных целей, должна быть минимальной, а их эстетика может быть непритязательной, на конкретном материале доказано, что распознавание форм авторской модальности позволяет не только конкретизировать ценностные установки автора, но и во многом судить о причинах, удерживающих внимание при чтении подобных текстов.

Ключевые слова: дидактический текст; Адам Дымов; ценностные установки; авторская модальность; читательское восприятие; жанр; герой; персонаж.

## 1. Введение

Дидактический дискурс представлен в письменной культуре весьма широко, это и древние памятники письменности, и собственно художественная литература, и нравоучительные тексты образовательных изданий. Разумеется, дидактические произведения, представленные в учебных книгах, могут быть успешно позаимствованы из области художественной литературы, однако предметом нашего внимания стал именно второй случай: образцы нравоучительных текстов, написанные в русле учебной литературы. Не исключено, что подобные образцы способны менять свой статус — переходить в разряд литературных шедевров, но чаще всего претензии на такой переход отсутствуют, в то же время суггестивность, которая нередко характеризует подобные сочинения, способна пробудить интерес к их структуре, и в первую очередь к одной из центральных категорий исследования текста — авторской модальности. Мы намеренно заимствуем понятие из области теории текста, поскольку оно представляется более объемным, способным включить в себя такое литературоведческое понятие, как «субъект авторского плана» (С. Бройтман) и все его разновидности: рассказчик, образ автора, повествователь. По точному замечанию С. С. Ваулиной и О. В. Девинной, «...особенность содержания термина *авторская модальность* заключается <...>, в видовом положении авторской модальности по отношению к родовому — субъективной модальности» [Ваулина и др., 2010, с. 9].

Небольшие по объему, содержательно и художественно непритязательные, поучительные произведения, предназначенные лишь для учебников, мало привлекают интерес литературоведов. Вообще надо сказать, что как таковой дидактический дискурс сложно назвать активно исследуемым. Возможно, в отечественной культуре это связано с тем, что наиболее поздний период его популярности оставил далеко не однозначное впечатление. Оценивая его проявления в художественной литературе XX века, авторы «Литературной энциклопедии» подводят такой итог: «Высокая дидактика классицизма, основанная на религиозно-философских традициях, имела

бо льшую суггестивную силу, чем в соцреализме, где в силу идеологической ограниченности вызывала протест, иронию и эстетический бунт, выразившийся в русском неомодернизме 1960-х» [ЛЭ, 2001, с. 231].

Пусть не в области отечественного литературоведения, но все же определенные шаги к тому, чтобы признать существование дидактического дискурса в ряду других нарративных типов, совершались. Упоминание об этом можно встретить в рассуждениях авторов четырехтомной «Теории литературы» о методах классификации жанров. Ссылаясь на монографическое разыскание П. Хернади, которое стало, «по мнению российских и западных исследователей жанра, одной из наиболее значительных попыток в сфере построения новых систем классификации» [Теория ..., 2003, с. 111], они отмечают: «...сделанная П. Хернади классификация типов дискурса до некоторой степени традиционна: она включает лирический, драматический и повествовательный типы. *Новым является добавление «тематического типа», ориентированного на риторические, дидактические формы речи»* (курсив наш. — И. К., З. К., Л. Б.) [Там же, с. 114].

Вряд ли будет ошибкой сказать, что дидактический дискурс не предполагает особой свободы в проявлении авторской индивидуальности. В данном случае законы жанра выдвигают на первый план не возможность самовыражения, а те «концепты героя и картины мира» (В. Тюпа), которые связаны с задачами познания и воспитания. Но сколь бы неприметен ни был субъект авторского плана в дидактическом тексте, он вызывает особый интерес в тех случаях, когда речь заходит о творчестве новатора. Тогда авторская модальность может оказаться главным «инструментом» выявления личностных ориентиров автора. Необычным и, несомненно, новаторским для своего времени явилось творчество адыгского просветителя, новометодника, одного из лидеров так называемого «Баксанского культурного движения» Адама Гафаровича Дымова (1878—1937). Его дидактические тексты будут рассмотрены в нашей работе с точки зрения авторской модальности.

## 2. Читательская рецепция и фоновые знания

Сочинения, о которых пойдет речь, объединены общим арабоязычным названием «Адаб». Как поясняет З. М. Налоев, «Адаб — это круг знаний, который необходим образованному светскому человеку. В этот круг могут войти и поэзия, и религиозные догмы, и нравственные принципы (этикет), и история, и философия и т. д. Он имеет определенную дидактическую направленность» [Адаб ..., 1991, с. 41]. В данном случае «Адаб» входил в перечень книг, по которым Адам Дымов обучал детей в своем новометодном медресе. По свидетельству современников, первое издание дымовского

«Адаба» датируется 1914 годом, вышло оно в Каире, на арабском языке одной книгой, а второе — в трех небольших книжках на кабардинском языке с использованием арабской графики — вышло в Кабарде, в «Типографии братьев Дымовых». До наших дней дошли только первые две части, год издания обеих — 1918. Иными словами, перед нами один из ранних образцов национальной письменности, педагогики и книгопечатания кабардинцев.

Уже при беглом взгляде на заголовки произведений, составивших «Адаб», можно заметить, что рассказы религиозного содержания перемежаются с рассуждениями морально-нравственного характера. Также можно констатировать, что немалое количество текстов построено в форме вопросов и ответов. Конечно, ничего необычного в этом нет: первое вполне соответствует принципам конфессионального образования, второе — традициям дидактического повествования. Но «если отвлечься от дидактической упрощенности этих текстов <...> то можно констатировать, что конфессиональная компонента их концепции непротиворечиво перетекает в светскую и наоборот. То есть, по сути, преодолевается умозрительность религиозных постулатов» [Кажарова, 2014, с. 37]. Для читательского восприятия, абстрагированного от культурного контекста того времени, новаторство и непривычность мировоззрения и образовательных принципов, в рамках которых формировалась дидактическая литература, подобная «Адабу», скорее всего, останется незамеченной. Чтобы составить хотя бы приблизительное представление о том эффекте, которое в свое время производили подобные сочинения и их авторы, стоит привести характерный «отклик» представителей старометодного образования: «Не отдавайте своих детей в школу Дымова, он погубит их, *он обучает их не языку имана* (вера в истинность ислама. — *И. К., З. К., Л. Б.*), *а совсем другим вещам!*» (курсив наш. — *И. К., З. К., Л. Б.*) [Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, № 663-ф/55].

Можно сразу сказать, что полнота восприятия ценностных установок, которые мы надеемся определить через авторскую модальность, в дидактическом тексте видится довольно проблематичной. Тот очевидный факт, что автор проецирует свое произведение на читателя, в случае с подобными текстами имеет некоторую специфику: автор проецирует свое произведение на читателя определенного типа.

Действительно, всякий разговор о модальности текста становится возможным благодаря функциональности читательского восприятия. Вот как пишет об этом Н. С. Валгина: «*Восприятие личности автора через формы ее воплощения в тексте — процесс двунаправленный. Он сориентирован на взаимоотношения автора и читателя* (курсив наш. — *И. К., З. К., Л. Б.*). Модальность текста — это выражение в тексте отношения автора

к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю» [Валгина, 2003, с. 58]. В свете того, что установка автора дидактического текста коррелирует с установками определенного читателя, а наш современник существенно отдален во времени от автора и того социокультурного континуума, который генерировал его идеи, возрастает важность компонента читательской рецепции, который обозначают как фоновое знание — «предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст» [Валгина, 2003, с. 8].

В круге фоновых знаний в первую очередь обозначится то, что дидактика А. Дымова основана на религиозных традициях, — это самая первичная и элементарная информация, она становится очевидной в процессе чтения. Менее очевидное и находящееся «за пределами текста как результат знания и опыта составителя текста» (Н. Валгина) — то, что сочинения А. Дымова появлялись под влиянием идей исламского реформаторства рубежа XIX — XX веков. В Российской Империи оно воплотилось в движении джадидизма (от арабского усул-и-джадид — «новый метод»), или, как его иногда называют, — новометодничества. Определяющей для сторонников этого движения была тенденция «модернизации ислама, одним из основополагающих моментов которой выступала реформа исламского образования, что, в свою очередь, предполагало изучение наряду с арабским языком и профессиональными дисциплинами родного языка и светских дисциплин» [Кажарова, 2017, с. 23]. Останавливаться на истории джадидизма мы не станем, его аспекты подробно освещены в научной литературе [Гафаров, 2014; Сенюткина, 2018], скажем только, что тип и уровень полученного А. Дымовым образования (конфессиональное высшее; выпускник Каирского духовного университета аль-Азхар) косвенно свидетельствует о глубине восприятия им культурнических идей исламского реформаторства.

Также важно не упустить, что творчество А. Дымова представляет народно-демократическую традицию литературы кабардинцев, именно она формировалась под влиянием культуры Востока; другая традиция, которую условно называют «аристократической», складывалась под российским и европейским культурным влиянием.

В данном случае восточная доминанта объясняет и оправдывает обилие арабских слов, которое бросается в глаза при чтении «Адаба», причем большинству из них можно было бы легко подобрать соответствие в родном языке, но автор этого не сделал. Учитывая «школьное» предназначение рассматриваемого сочинения, можно предположить, что обилие этих слов служит задаче более быстрого введения обучаемых в арабский

языковой континуум (ведь знание арабского — фундамент мусульманского образования). Однако обилие арабских слов наблюдается также в текстах корреспондентов первой кабардинской газеты «Адыгское слово». Значит, дело не только в закреплении языковых знаний. Скорее всего, в контексте обозначенной культурной традиции это был вполне привычный лексикон, не нуждающийся в дополнительных пояснениях. В этом лексиконе прочитывается «рецептивная установка адресата, коррелирующая с коммуникативной инициативой говорящего субъекта» (В. Тюпа), также просматривается некая система ценностей, с которыми эти знания ассоциировалось, включенность наставника и его учеников в объединяющее их ментальное поле.

О том, какое впечатление производили тексты «Адаба» на юных учеников А. Дымова, нам неизвестно, прямых свидетельств, к сожалению, не сохранилось. Но есть косвенные доказательства плодотворности его подходов и востребованности его сочинений. Так, многие из числа тех, кто начинал свой образовательный путь в новометодной школе А. Дымова, добились заметных результатов в развитии культуры родного этноса, а по его новометодным учебникам, отвергаемым представителями классической системы конфессионального образования, тем не менее, успешно обучались воспитанники ряда медресе Кабарды [Налоев, 2009, с. 582].

### **3. Формы выражения авторской модальности в текстах «Адаба»**

#### **А. Дымова**

Как представляется нам, самый верхний уровень рассмотрения авторской модальности определяется выбором жанра и особенностями взаимодействия авторского сознания с законами этого жанра.

Как мы уже сказали, основу дымовского «Адаба» составляют небольшие по объему рассказы. Большая часть из них религиозного содержания, в основном это краткие переложения некоторых хадисов (преданий о жизни и высказываниях пророка Мухаммеда). Также сюда включены миниатюры морально-нравственного содержания, которые могут содержать религиозные сентенции, а могут обходиться и без них. Помимо указанных двух содержательных типов, в «Адабе» встречаются образцы изложения сути и последовательности некоторых исламских обрядов.

Заметим, что в выборе жанра А. Дымов заметно отходит от предпочтений своих предшественников. К слову, дидактические сочинения Умара Берсея [Антология ..., 2010, с. 171—174] и Паго Тамбиева [Антология ..., 2010, с. 220—222] представляют собой творческое переложение европейских басен, восточных сказок и адыгского фольклора.

Прекрасный знаток европейской и восточной литературы, ценитель адыгского фольклора А. Дымов к жанру басни и сказки не обращается вообще. Он идет по другому пути, видимо, не желая нарушать риторику и формы, которые в тот период устанавливались для начальной ступени конфессионального образования в рамках реформаторского течения. Его творческая свобода проявляется лишь в том, что он позволяет себе назидательные рассказы собственного сочинения. Думается, поступил он так еще и потому, что «личное присутствие» в этих текстах его самого (в форме авторского «я» или же в образе наставника, показанного в третьем лице) было для него значимо.

Краткие переложения хадисов соседствуют с рассказами, построенными в диалогической форме. Как констатирует Ф. Ш. Ошнокова, «Дымов излагает правила хорошего тона доходчиво, в форме вопросов и ответов, обращаясь к детям со словами “мой младший брат”» [Дымов, 2003, с. 10]. Справедливо заметить, что подобная форма повествования (вопросы и ответы) имеет выраженную параллель в европейской дидактической литературе. Это популярный некогда жанр разговора. Так, «персонажи разговора ведут между собой непринужденную беседу на различные нравственные и общественные темы с целью поучения светской публики. Нередко наставительные разговоры перерастают в кодекс поведения» [ЛЭ, 2001, с. 846]. Эти характеристики близки и к текстам «Адаба».

В этом «разговорном контексте» доминирующей можно назвать форму авторской модальности, свойственную эйдетической поэтике. Определяя особенности личностного сознания в эйдетической поэтике, С. Н. Бройтман пишет, «что оно зиждется на неавтономной причастности человека Богу и миру» [Теория ..., 2004, Т. 2, с. 222]. Логично, что данный принцип обуславливает и типичную для эйдетической поэтики точку зрения автора. Опираясь терминологией М. М. Бахтина, С. Н. Бройтман конкретизирует ее следующим образом: «... риторическое слово “аргументирует с точки зрения “третьего”: индивидуально-глубинные пласты в этом не участвуют”. Позиция “третьего” и есть та внешняя (“публичная”) и привилегированная точка зрения, с которой в эйдетической поэтике открывалась абсолютная перспектива видения реальности» [Теория ..., 2004, Т. 2, с. 225]. Но сказать, что эйдетическая модальность и обусловленная ею точка зрения объединяет все рассказы «Адаба», было бы не совсем точно. Она открывает это сочинение, задает ему определенную интонацию, а потом периодически проявляется в рассказах о жизни пророка. Вот как начинается «Адаб»:

*Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. И благодарность, и хвала Ему, Аллаху Единому. Мухаммеда-пророка, открывшего нам частицу света на нашем пути, Аллах да благословит!*

*Боже наш единый, всех одаряющий, благо этого прекрасного дара пусть не прервется!* [Антология ..., 2010, с. 238].

«Привилегированная точка зрения» обозначена с самого начала, однако, как мы увидим далее, модальность автора также найдет возможность проявления, и в этих проявлениях можно будет обнаружить некоторые особенности.

Итак, вполне типовое формульное вступление перетекает в диалог «Все сотворено Аллахом». Короткие вопросы и короткие ответы. То и другое совершенно безлично. Но уже в следующем рассказе («Все даровано Аллахом») можно наблюдать, как вопросы и ответы становятся более развернутыми, а вместе с этим уменьшается и степень безличности того, кто эти вопросы задает. Намечается, если воспользоваться терминологией В. И. Тюпы, глоссализация высказываний, «эффект распределенности текста между несколькими голосами» [Теория ..., 2004, Т. 1, с. 31]. В какой-то момент, наконец, проступает «лицо» наставника: *Если все это тебе уже понятно, то ответь на вопрос, который я тебе задам* [Антология ..., 2010, с. 239]. Но это «я», если можно так выразиться, совершенно неразвернутое. Его интенции намечаются в следующем рассказе («Что нравится и не нравится Аллаху»). Теперь мы можем уточнить, что это не просто некий наставник, а помощник, подсказчик:

*...все, подобное этому, не угодно Аллаху, порицается им. Но кто же дал тебе знание о том, что то, о чем мы только что сказали, Ему не нравится, а то, о чем говорили до этого — нравится?*

*Ответить на этот вопрос будет тебе затруднительно. Я подскажу тебе ответ: когда Аллах, у которого нет сотоварищей, создавал людей, он избрал, озарил некоторых из них. Он дал им знание о том, что ему любо, а что нет, сделал их посланниками, которые должны сообщить нам Его волю, поделиться с нами своими знаниями, наставить на верный путь. Зовутся они расулами, что значит “посланники”* [Антология ..., 2010, с. 239].

Именно в этом диалоге впервые проявляется и степень категоричности авторского «я». Причем в «Адабе» она колеблется очень редко: наставник этот не требует и указывает, а подводит ученика к самостоятельным суждениям и при необходимости дает ему подсказки.

Основным героем его повествования и главной поведенческой моделью для подражания становится расул — пророк Мухаммед. Ничего необычного для исламского дидактического текста в этом нет, но примечательно, что одновременно с развитием «темы расулов» проявляемое до этого лишь изредка «я» наставника и подразумеваемое «вы» учеников

сменяется ярко выраженным «мы», определяющим общий, сплывающий контекст существования и расулов, и наставника, и его учеников. Так же примечательно, что именно в этом контексте впервые звучит обращение наставника к своему ученику — «мой младший брат» и уже прочно закрепляется в последующих рассуждениях. Такая форма обращения в очередной раз подтверждает сказанное немного выше о степени категоричности авторского «я», но, кроме того, эта форма обращения ставит его если и не на одну ступень с учениками, то, во всяком случае, делает к ним гораздо ближе, чем просто наставник. Такова в «Адабе» точка зрения авторского «я», которая существует параллельно «привилегированной внешней точке зрения».

Примечательно, как в сплывающем контексте существования происходят плавные переходы от рассуждений о совершенствах расула к мотиву школьного прилежания:

*Посланник Аллаха, да будет он благословен, что бы ни делал или ни говорил, во всем был человеком честным. И таким он был с самого детства.*

*Так вот, если мы будем честными, будем брать с него пример, то и посланник Аллаха, с кого мы берем пример, и тот, кто его к нам направил, полюбят нас; мы обретем уважение и внимательное отношение к себе людей, все это, словно рубашка, которая никогда не изнашивается, останется при нас навсегда.*

*Послушай, мой младший брат! Когда ты опаздываешь в школу, и учитель спрашивает тебя «Почему ты задержался?», — а ты скрываешь истинную причину, то честным считаться не можешь. <...>*

*Если ты разбил чернильницу, а вину перекладываешь на другого, видишь, как того наказывают, и молчишь, то честным [называться] не можешь, мой брат! [Антология ..., 2010, с. 241].*

Подобные переходы можно наблюдать и во второй части «Адаба», к слову, таковы рассказы «Счастье верности», «Благонравие посланника». Можно сказать, что присутствие в них «привилегированной внешней точки зрения» («Чтобы Аллах был нами доволен...») задает инерцию восприятия назидательных миниатюр из числа тех, в которых религиозные сентенции отсутствуют.

Разумеется, во всех эпизодах, в которых просматривается образ автора, его присутствие минимизировано. Таковы требования жанра. Можно назвать только одно исключение — это рассказ «Сдержанность», в котором образ автора представлен более развернуто. Автор позволяет себе поместить в центр повествования собственный опыт, при этом обойтись без религиозных сентенций и отсылок к образу пророка: *Как-то раз пошел*

*я повидаться с одним лекарем. Подсел к тем, кто ожидал своей очереди к нему. Кто-то из них вздыхал, кто-то громко стонал, а были и те, кто сидел спокойно, словно и не болит у них ничего.*

*Пришел лекарь и каждого принял. Прописал им лекарства. «А что беспокоило тех, кто сидел тихо?», — спросил я его после.*

*«Их болезни намного глубже и тяжелее, чем у тех, кто вздыхали да стонали, однако терпение, сдержанность их велики, — ответил он. — Их терпение убеждает нас в том, как велики в них надежда, смелость, мудрость» [Антология ..., 2010, с. 251].*

От эпизода из частной жизни автор переходит к наблюдениям из школьной практики: один ученик, очиняя перо, поранил палец, да так при этом разорался, что вызвал укор своих товарищей. А было и такое, что двое учеников, играя в мяч, столкнулись, и один из них упал на землю. Понятно было, что ему очень больно. Однако он не подал виду: *Из учащихся побеждает тот, кто без жалоб, без лишних слов преодолевает трудности. Кто терпелив к трудностям, тот хорошо справляется с любым поручением. И став взрослым, если не сможет избежать чужого притеснения, то найдет силы терпеливо его переносить. Разве бывает так, чтобы человек никогда не встречался с чем-то досадным? Не бывает* [Антология ..., 2010, с. 251]. В основу сюжета, как было сказано, положены личные наблюдения наставника. Свободно излагая их от первого лица, он сопоставляет, рассуждает, подводит к определенному выводу. Личность автора присутствует, но не довлеет. Делясь своими наблюдениями, он не акцентирует собственное «я», не делает свою личность примером для подражания.

Как подчеркивает Е. Ю. Донскова, «...авторская модальность может быть представлена не прямо, а опосредованно — через персонажную сферу» [Донскова, 2015, с. 38]. В этом плане стоит заметить, что, помимо пророка, который оказывается главным героем «Адаба», наличествуют и некоторые персонажи: это ученики и наставник, при этом повествование ведется от третьего лица, и, соответственно, несколько меняется точка зрения. Таков рассказ «Человечность» из второй части «Адаба». Он также диалогичен, однако, благодаря ремаркам от третьего лица, здесь возникает иллюзия наблюдения за происходящим со стороны. Этот рассказ, поделенный на три части, самый развернутый в «Адабе». Видимо, основное внимание обучающихся должно было задерживаться именно на нем.

Ученики, отвечая на поставленный вопрос, приводят различные примеры проявления человечности, постепенно продвигаясь от простых историй к более сложным. Примечательно, что, дополняя и оценивая истории

детей, наставник поэтапно подводит их к идее человечности через социальные мотивы, а религиозные отсылки вынесены в самое последнее предложение рассматриваемого произведения. Надо сказать, что наставник в качестве персонажа максимально приближен к «образу автора», «прототипом которого служит для создателя произведения он сам как «внехудожественная» личность — как частное лицо с особой биографией <...> и как человек определенной профессии» [Введение ..., 2006, с. 306].

В отношении «персонажной сферы», опосредующей авторскую модальность, также стоит обратить внимание на ряд текстов, в которых разъясняется порядок совершения намаза, посещения мечети и прочее подобное. Это четыре миниатюры, которыми завершается первая часть «Адаба». Построены они в форме оживленной беседы мальчика и девочки («Сулейман и Зейнаб спрашивают друг друга»). В этой беседе ненавязчиво вскрываются различия в соблюдении мужчинами и женщинами некоторых мусульманских традиций. Казалось бы, ничего особенного, назначение этих текстов чисто практическое, и проявиться авторской модальности здесь вроде бы не в чем. Однако ввиду того, что «Адаб» создавался новометодником, а именно в русле новометодного образования впервые в исламской культуре вводилось совместное обучение мальчиков и девочек, становится ясно, что диалог мальчика и девочки Дымову был необходим.

В конкретном случае диалог несет определенную ценностную нагрузку даже безотносительно к его содержательным моментам. Совместное обучение мальчиков и девочек наряду с введением светских предметов составляет один из «щепетильных сюжетов» новометодного образования. Против такого обучения активно выступали сторонники старых методов. Включение диалога (вернее, серии диалогов) между мальчиком и девочкой подчеркивает мировоззренческую позицию автора. Дымов демонстрирует свою приверженность новой, прогрессивной системе ценностей. Но он не забывает при этом о главном: о том, как следует понимать этот «сюжет» основному адресату его сочинения, в какое русло лучше направить его восприятие. Непривычную для учеников ситуацию совместного присутствия в медресе мальчиков и девочек он оформляет очень изящно. Беседуя, мальчик и девочка обращаются друг к другу «мой брат», «моя сестра». И это не просто фигура красноречия и не надуманная модель поведения. Дымов подразумевал реальных брата и сестру, ведь не случайно он наделяет этих персонажей именами своих детей — Сулейман и Зейнаб. Безусловно, в подобном именовании был способ воздействия на читателя, ради которого он сочинял эти тексты, ведь ученики скорее всего знали, что у этих персонажей есть прототипы.

#### 4. Заключение

Бесспорно, что дидактическое сочинение А. Г. Дымова, будучи, как мы упоминали, одним из ранних образцов национальной письменности, педагогики и книгопечатания кабардинцев, представляет интерес с точки зрения истории литературы. Однако притягательность «Адаба», которая обнаруживается при чтении этого эстетически непритязательного и содержательно «неактуального» уже произведения, не может быть понята вне его рассмотрения с позиций главного фактора выразительности — авторской модальности.

Несмотря на то, что мера субъективности в нравоучительном произведении, предназначенном для образовательных целей, должна быть сведена к минимуму, анализ модальности позволяет выявить даже в таком специфическом дискурсе, как дидактический, разнообразие форм присутствия авторского «я» в тексте.

Всякий эпизод, связанный с выражением в «Адабе» авторского «я», заставляет читателя мысленно обращаться к личности автора. В этом плане нам видится функциональной выявленная здесь степень категоричности авторского «я». При явной выраженности религиозной компоненты автор нигде не ораторствует, нет никакой выпренности, только спокойная констатация, располагающая к себе слушателя и читателя. Что касается всех остальных аспектов — выбор жанра и особенности взаимодействия авторского сознания с его законами, доминирующие в тексте точки зрения и закономерности их взаимодействия, выбор героя и персонажей, — то они очевидны лишь для читателя-исследователя.

#### Источники и принятые сокращения

1. ЛЭ — *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / ред. А. Н. Николюкин. — Москва : Интелвак, 2001. — 799 с.
2. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН — *Фоноархив* Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. О Дымове Адаме. Информатор Р. А. Дымова. Звукозапись З. М. Налоева. № 663-ф/55.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Адаб* баксанского культурного движения / сост. З. М. Налоев. — Нальчик : Эльбрус, 1991. — 440 с.
2. *Антология* ранней адыгоязычной литературы / сост. З. М. Налоев. — Нальчик : КБИГИ, 2010. — 352 с.
3. *Валгина Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 173 с.
4. *Ваулина С. С.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) / С. С. Ваулина, О. В. Девина // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта.* — 2010. — № 8. — С. 8—13.

5. *Введение в литературоведение* / ред. Л. В. Чернец. — Москва : Высшая школа, 2006. — 680 с.
6. *Гафаров А. А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX — начало XX вв.)* / А. А. Гафаров. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. — 564 с.
7. *Донскова Е. Ю. Образ автора и «точка зрения» в аспекте модальности художественного текста* / Е. Ю. Донскова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. — 2015. — Вып. 4 (168). — С. 35—39.
8. *Дымов А. Г. Избранное* / А. Г. Дымов. — Нальчик : Эльбрус, 2003. — 124 с.
9. *Кажарова И. А. Кабардинская поэзия XX века : актуализация идеала* / И. А. Кажарова. — Нальчик : Печатный двор, 2014. — 176 с.
10. *Кажарова И. А. Становление идеала совершенного человека в адыгской письменности начала XX века (на материале сочинений А. Г. Дымова)* / И. А. Кажарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 7—2 (73). — С. 23—25.
11. *Налоев З. М. Этюды по истории культуры адыгов* / З. М. Налоев. — Нальчик : Эльбрус, 2009. — 656 с.
12. *Сенюткина О. Н. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки)* / О. Н. Сенюткина // Исламоведение. — 2018. — Т. 9, № 2 (36). — С. 15—29.
13. *Теория литературы* : в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / ред. Н. Д. Тамарченко. — Москва : Академия, 2004. — 512 с.
14. *Теория литературы* : в 2 т. Т. 2. Историческая поэтика / ред. Н. Д. Тамарченко. — Москва : Академия, 2004. — 368 с.
15. *Теория литературы* : в 4 т. Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении) / ред. Ю. Б. Борев [и др.]. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — 592 с.

---

## AUTHOR'S MODALITY OF DIDACTIC TEXT AND READER'S PERCEPTION (BY EXAMPLE OF A. G. DYMOV'S "ADAB")

© **Inna A. Kazharova (2020)**, [orcid.org/0000-0002-7431-0840](https://orcid.org/0000-0002-7431-0840), SPIN-код 8466-0022, Researcher ID K-2461-2018, PhD in Philology, senior research scientist, Sector of Kabardian Literature, The Institute for the Humanities Research — Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Nalchik, Russia), [barsello@rambler.ru](mailto:barsello@rambler.ru).

© **Zukhra A. Kuchukova (2020)**, [orcid.org/0000-0001-7907-0404](https://orcid.org/0000-0001-7907-0404), Doctor of Philology, professor, Department of Russian and Foreign Literatures, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov” (Nalchik, Russia), [kuchuk60@list.ru](mailto:kuchuk60@list.ru).

© **Liana B. Berberova (2020)**, [orcid.org/0000-0002-3729-0238](https://orcid.org/0000-0002-3729-0238), PhD in Education, senior lecturer, Department of Language Teaching, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation” (Moscow, Russia), [berberova.liana@yandex](mailto:berberova.liana@yandex).

Aspects of the author's modality manifestation and related features of didactic text perception are considered. The authors briefly describe the reflection of didactic discourse in the literary

reception, argue the importance of identifying the author's modality in the moralizing texts presented in the educational literature. Based on a specific material, the authors study the forms of expression of the author's consciousness and the specifics of perception of the didactic text. The defining role of background knowledge in a situation when the reader and the author of a didactic work belong to different eras is shown. Expressions of modality in the present article are determined by the choice of genre and interaction between the author's consciousness with the laws of the genre, points of view dominant in the text and the regularities of their interactions, the choice of character and characters, the degree of categoricity of the author's "I." Examples are given from the didactic works of A. G. Dymov ("Adab"), whose work has not yet been considered from the position of semantic expressiveness of the subject of the author's plan involved in it. Despite the fact that the measure of subjectivity in a didactic text intended for educational purposes should be minimal, and their aesthetics can be unassuming, it is proved on a specific material that the recognition of forms of author's modality allows not only to specify the author's value attitudes, but also to judge in many ways the reasons that hold attention when reading such texts.

Key words: didactic text; Adam Dymov; value attitudes; author's modality; reader's perception; genre; hero; character.

## MATERIAL RESOURCES

Fonoarkhiv IGI KBNTs RAN — *Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. O Dymove Adame. Informator R. A. Dymova. Zvukozapis' Z. M. Naloeva. №663-f/55.* (In Russ.).

LE — Nikol'yukin, A. N. (ed.). (2001). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy.* Moskva: Intelvak. (In Russ.).

## REFERENCES

Borev, Yu. B. (et al.). (eds.). (2003). *Teoriya literatury. Rody i zhanry (osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii).* Moskva: IMLI RAN. 4/3. (In Russ.).

Chernets, L. V. (ed.). (2006). *Vvedenie v literaturovedenie.* Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

Donskova, E. Yu. (2015). *Obraz avtora i «tochka zreniya» v aspekte modalnosti khudozhestvennogo teksta. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: filologiya i iskusstvovedenie, 4 (168): 35—39.* (In Russ.).

Dymov, A. G. (2003). *Izbrannoye.* Nalchik: Elbrus. (In Russ.).

Gafarov, A. A. (2014). *Rossiyskie musulmane v kontekste obshcheislamskoy modernizatsii (XIX — nachalo XX vv.).* Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russ.).

Kazharova, I. A. (2014). *Kabardinskaya poeziya XX veka: aktualizatsiya ideala.* Nalchik: Pechatnyy dvor. (In Russ.).

Kazharova, I. A. (2017). *Stanovlenie ideala sovershennoogo cheloveka v adygsКОЙ pismennosti nachala XX veka (na materiale sochineniy A. G. Dymova). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 7—2 (73): 23—25.* (In Russ.).

Naloev, Z. M. (2009). *Etyudy po istorii kultury adygov.* Nalchik: Elbrus. (In Russ.).

Naloev, Z. M. (ed.). (1991). *Adab baksanskogo kulturnogo dvizheniya.* Nalchik: Elbrus. (In Russ.).

Naloev, Z. M. (ed.). (2010). *Antologiya ranney adygoyazychnoy literatury.* Nalchik : KBIGI. (In Russ.).

- Senyutkina, O. N. (2018). Dzhadidizm kak chast' rossiyskogo islamskogo diskursa (sovremennyye istoriograficheskie otsenki). *Islamovedenie*, 9 (2): 15—29. (In Russ.).
- Tamarchenko, N. D. (ed.). (2004). *Teoriya literatury. Istoricheskaya poetika*. Moskva: Akademiya. 2/2. (In Russ.).
- Tamarchenko, N. D. (ed.). (2004). *Teoriya literatury. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika*. Moskva: Akademiya. 2/1. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2003). *Teoriya teksta*. Moskva: Logos. (In Russ.).
- Vaulina, S. S., Devina, O. V. (2010). Avtorskaya modalnost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya (k postanovke problemy). *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, 8: 8—13. (In Russ.).